

Н. Менькова
Начало пути

Как выбрать профессию по душе, чтобы с честью пройти свой трудовой путь – этот вопрос актуален во все времена. Каждый период времени выдвигает свои запросы на специалистов того или иного профиля, и масса выпускников устремляется на этот зов, не всегда отдавая себе отчет в том, подходит ему популярная в данный момент профессия или нет...

Сейчас востребованы юристы, экономисты, бухгалтеры, агенты по распространению продукции и рекламы... В вузах, даже сугубо технического профиля, открывают факультеты менеджмента и маркетинга... Финансы, кредит, обслуживание торговых операций всякого рода – все это привлекает молодых людей, стоящих на пороге жизни, и их родителей...

Совсем иные устремления были у молодежи в пятидесятых годах прошлого века, когда я заканчивала среднюю школу. Это было время, когда в нашей стране завершалось восстановление разрушенной во время войны промышленности, и уже разрабатывались планы создания мощных гидроузлов, новых электростанций, атомных реакторов... Для проектирования и строительства всех этих сложных промышленных объектов нужны были соответствующие инженерные кадры, поэтому создавались новые специальности на базе имеющихся вузов, открываются институты нового профиля: Механический, преобразованный впоследствии в Инженерно-физический, несколько позже – Физико-технический. В Энергетическом институте открыли гидростроительный факультет... Впрочем, может быть, этот факультет просто расширили и укрепили преподавательскими кадрами...

Профессия инженера была наиболее востребована и очень престижна. В технические вузы стремились поступать выпускники не только мужских, но и женских школ (среднее образование в период с 1943 и по 1953 год было раздельным). В новые, только что открытые институты, а также в МАИ, МАТИ, МВТУ им.Баумана и подобные им учебные заведения валом валили девочки, не думая о том, что сулит им в будущем профессия гидростроителя или физика-атомщика... Я впоследствии встречала многих женщин-инженеров из этого потока первопроходцев, например, пионеров расщепления атома. Многие пострадали: попали под облучение, стали жертвами аварий на первых атомных электростанциях. Об этих чрезвычайных происшествиях в то время не принято было писать, но, тем не менее, при слабом развитии техники безопасности и неизведанности происходящих в недрах реактора процессов ущерб, наносимый здоровью обслуживающего персонала, имел порой трагические последствия.

Я так же, как и большинство моих сверстников, собиралась поступать в технический вуз, но у меня при выборе профессии были свои, особые соображения. Мой отец Марк Исаевич Слободкин много лет своей жизни посвятил разработке горных машин и комплексов и был большим энтузиастом.

стом внедрения новой, совершенной техники, облегчающей труд рабочих в подземных выработках. В его рассказах жила и была ключом «романтика повышенной опасности» при работе на шахтах и в рудниках: спуск под землю в бадьях или клетях, перемещение по длинным подземным выработкам, когда тебя на каждом шагу подстерегают неведомые опасности, тяжелый труд в забое, где шахтерам грозит взрыв рудничного газа или обвал... «Гасите, гасите свет в коридоре! – восклицал папа. – Ведь каждый кусок угля, который идет на выработку электроэнергии, обогрен кровью шахтеров...» Или еще: «Представляете, какую радость ты ощущаешь, когда благополучно выбираешься на поверхность из шахты, где над тобой нависают тысячи тонн горных пород... Один незначительный сдвиг где-нибудь там, в их толще – и тебя напрочь завалит, засыплет углем или породой...»

Очень любили мы с папой читать книги о шахтерах и рудокопах: «Уральские сказы» Бажова, «Путями старых горняков» Ефремова... Так что я без колебаний собралась поступать в горный институт, хотя мое решение, кажется, вызвало недоумение у школьных учителей; они даже разговаривали с моими родителями, убеждали их, что горняцкая профессия вовсе мне не подходит. Папа вначале тоже, правда, не очень активно возражал против моего выбора, даже предпринял безуспешную попытку переключить меня на что-нибудь другое, но очень скоро он смирился; возможно, мое решение было ему даже в какой-то степени приятно. Себя и маму он успокаивал следующими соображениями: «Ладно, пусть поступает! В горном институте наша дочь получит неплохое инженерное образование, а в будущем сумеет найти свою дорогу».

По совету отца я выбрала машиностроительную специальность – универсальную для инженера, предусматривающую изучение в больших объемах математики, физики, сопротивления материалов и других общетехнических дисциплин. И вот началась моя студенческая жизнь, которая одновременно ознаменовала конец моего затянувшегося детства.

Несмотря на то, что система обучения в вузе отличалась от того, к чему я привыкла в школе, проблем с занятиями у меня не было: средние учебные заведения в то время давали хорошую подготовку по всем предметам, и я без особых затруднений осваивала новый для меня материал. А кроме того, в горном институте работали замечательные преподаватели. По физике нам читал лекции профессор Н.В. Кашин, который сотрудничал в свое время в Англии с самим Резерфордом и получил от него в подарок лабораторию, которая и стала основой кафедры физики Московского горного института. Читавший нам теоретическую механику профессор И.М. Воронков был не только замечательным лектором, но и автором прекрасного учебника, не утратившего своей актуальности до настоящего времени. Математику у нас преподавали известные методисты профессора Денисюк и Кожин.

С гордостью я могу констатировать, что одним из самых блестящих, эрудированных профессоров горного института был мой отец. Он тогда

возглавлял там кафедру Прикладной механики и одновременно, в соответствии со своими научными интересами, работал по совместительству в Тульском механическом институте. В 1957 году отец перешел туда на полную ставку и организовал там специальную кафедру Горных машин и комплексов, на базе которой создал целую школу ученых в области разрушения горных пород. Разработанная им аналитическая теория резания углей находит и сейчас своих последователей и продолжателей, чему способствует бурное развитие современной вычислительной техники.

Кроме точных наук, мой отец увлекался историей и литературой, до старости совершенствовался в иностранных языках. Он знал очень много интересного и при этом имел дар слова, поэтому его лекции отличались высоким научным уровнем, методичностью, широтой охвата материала; он умел, как никто, увлечь своих слушателей. Могу все это удостоверить, так как была его студенткой: прослушала у папы курсы Теории механизмов и Деталей машин, выполнила под его руководством два проекта.

...Когда в лекционную аудиторию в первый раз вошел мой отец, я, буквально, замерла от страха за него и так разволновалась, что почти ничего не понимала и не могла ничего записывать. Наверное, волновался и папа, но он хорошо владел собой, и лекция прошла в обычном для него блестящем стиле. Постепенно мы с ним привыкли к необычности нашего положения и контактировали совершенно нормально. Только экзамены я сдавала не ему, а другим преподавателям с его кафедры...

В Московском горном институте (тогда он в соответствии с веянием эпохи носил имя И.В. Сталина) вместе со мной училось много девочек, даже на таких факультетах как «Разработка угольных и рудных месторождений» и «Горная электромеханика». Ну, а уж на специальностях «Обогащение полезных ископаемых» и «Экономика предприятий горной промышленности» девчонки составляли абсолютное большинство. И все они проходили практику на шахтах и рудниках, спускались под землю, работали в цехах специализированных заводов горного машиностроения и на обогатительных фабриках. О том, насколько это трудно и даже опасно для жизни, особенно не думали. Молодежь была активной, жизнерадостной, студенты гордились своей будущей трудной, но, как тогда считалось, почетной профессией. Не зря же по постановлению правительства горнякам, подобно офицерам армии и флота, присваивались звания: горный директор 1-го или 2-го ранга, горный генеральный директор и т.п. С 1953 года студенты и преподаватели нашего института носили красивую форму черного цвета со знаками отличия на погонах и в петлицах.

В горном институте кипела общественная жизнь, работало множество спортивных секций, процветала самодеятельность. Активным участником академического хора и студии художественного слова был мой однокурсник Евгений Урбанский, ставший со временем известным артистом театра и кино. Студент горного факультета Миша Маршак написал пьесу о практике студентов-горняков на одном из подземных предприятий; это был

первый опыт будущего известнейшего драматурга Михаила Шатрова, произведения которого с большим успехом шли во всех театрах страны. Наш институтский поэт, впоследствии известный журналист и писатель Лев Визен, сочинял остроумные скетчи и капустники, которые мы под его руководством с удовольствием разыгрывали. Правда, творческая деятельность иногда отвлекала Лёву от академических занятий, так что в нашей факультетской стенгазете даже появилось однажды адресованное ему предупреждение: «Поэтом можешь ты не быть, но инженером стать обязан!»

Одним словом, все было прекрасно, студенческая жизнь увлекала, но уже на первом курсе я почувствовала, что профессия горного инженера сулит мне в будущем не только возможные радости, но и серьезные затруднения. Все началось с практики в слесарных мастерских... Простояв восемь часов у верстака с зубилом и молотком, что-то там вырубая и спиливая, я поранила себе руки при минимуме производственных достижений и вышла из института, шатаясь от усталости. Слесарному делу нас обучали весь первый семестр, и за положенные для этого 64 часа я ухитрилась обработать с помощью соответствующего инструмента какую-то пародию на плитку «с заданной степенью шероховатости поверхности», а также изготовить весьма неуклюжий на вид молоток. Мастерские я покинула с нелегко доставшимся мне зачетом в моем студенческом матрикеле и с робкой надеждой на то, что мне никогда в жизни больше не придется заниматься подобными вещами. Однако профессия инженера имеет свою специфику, и я не раз еще была вынуждена участвовать в работе слесарей, правда, больше в качестве наблюдателя, но приобретенные в институте навыки все же не оказались бесполезными. Хотя сразу надо сказать, что слесарное мастерство – дело отнюдь не женское...

А работа на шахте – женское? Сейчас в подземные выработки нашу сестру не пускают, но в 50-е годы там работало много женщин. Они спустились в шахту еще во время войны, чтобы заменить ушедших на фронт шахтеров, да так и остались на подземных работах, причем некоторые из них даже стали горными мастерами по вентиляции, а также по маркшейдерскому делу...

Наша первая подземная практика проходила на шахтах Подмоскownого бассейна. Ночным поездом мы ехали всей группой из Москвы сначала до Сталиногорска, который теперь называется Новомосковском, а оттуда рабочим поездом до города со странным названием Бобрик-Донской... Ночь не спали – места были сидячие... Потом надо было сразу же оформляться на работу, устраиваться в общежитии, идти в столовую, а потом со всеми вместе в кино, где я, наконец, уснула и благополучно проспала весь «Последний раунд».

Через день или два после соответствующего инструктажа по технике безопасности нас уже спустили в шахту... Помню себя в нескладной шахтерской робе б/у, в сапогах и в каске, с тяжелым аккумуляторным светильником в руках. Вслед за своей новой начальницей – «моторщицей» тетей

Полей – я, спотыкаясь, бреду по бесконечно длинной, сырой и темной выработке – транспортному штреку, вдоль которого тянется ленточный конвейер. Крепление выработки представляет собой «полный дверной оклад», и я с непривычки то спотыкаюсь о нижние следи, лежащие на почве, то стучаюсь головой о верхние «потолочные» перекладки.

До места работы шли около часа. Наконец, я увидела в сплошной стене штрека небольшую выемку, освещенную тусклой лампочкой, и в этой нише – приводную часть ленточного конвейера и пульт управления этим агрегатом. Отпустив наших сменщиц, мы с тетей Полей приступили к исполнению своих обязанностей, каковые для меня состояли в том, что я должна была выбирать с ленты транспортного устройства куски пустой породы. Моя должность так и называлась – породовыборщица. По всей длине конвейера на значительном расстоянии друг от друга сидели девочки, занимавшиеся таким вот первичным обогащением угля. На поверхности предприятия, на эстакаде, был еще один конвейер, где также работали породовыборщицы, и, возможно, их труд был более производительным, чем в подземных условиях, так как при дневном свете можно было отличить уголь от породы. На моем же рабочем месте почти ничего не было видно, поэтому мои манипуляции носили чисто формальный характер.

...Медленно тянутся часы рабочей смены. Плышет, плывет мимо меня конвейер, заполненный углем... Иногда мне кажется, что конвейер стоит на месте, а двигаюсь я, и это ощущение вызывает легкое головокружение... Однообразие смены нарушает телефонный звонок, который раздается неожиданно и резко среди мрака и своеобразной звуковой гаммы окружающего пространства: шороха перемещающегося угля, шума мотора, гудения трансформаторов, редкой и звонкой капли подземных вод. – «Трубку-то снимите!» – командует мне моя начальница, и я радостно кидаюсь к телефону, сбросив с себя оцепенение и оторвав взгляд от потока угля, из которого я время от времени выбираю *нечто* – предположительно, пустую породу. Я подношу к уху телефонную трубку, и на меня обрушивается поток отборного шахтерского мата, но, как я понимаю, в профилактических целях, так как в заключение я слышу вполне миролюбивое: «Вырубай привод!»

Тетя Поля останавливает конвейер, который уже несколько минут проплывает мимо нас порожняком, подобно обмелевшей реке, и тут я вдруг ощущаю толчки, воздух сотрясает канонада невидимых орудий, с кровли что-то сыплется – хорошо, что на мне каска! – «Что это?» – испуганно спрашиваю я. – «Палють», – невозмутимо отвечает моторщица, и я догадываюсь, что в соседней лаве производят взрывные работы, в результате которых разрушается угольный пласт... Через некоторое время конвейер снова включают, его лента заполняется, и я опять плыву в полудреме мимо угольной реки вместе со стойками крепления, тусклым светильником, невозмутимой и неподвижной, как истукан, тетей Полей...

Однако смена идет к концу, и вскоре возле меня появляются две девочки-породовыборщицы с предложением: вместо того, чтобы тащиться

по выработкам, проехаться на «нашем» конвейере до самого сборного штрека. Я сомневаюсь: на занятиях по технике безопасности нас первым долгом предупреждали о недопустимости подобных «катаний», но девочки-шахтерки только смеются: «Да чего ты боишься? Ничего страшного нет, только не зевай! Как увидишь, что кровля опускается, – садись, а потом ложись на пузо. Дальше выработка снова делается выше, так что можно снова на ноги встать... Самое главное, не замешкаться в конце и вовремя соскочить с конвейера, а то сбросит тебя в бункер вместе с углем, тогда уж и не выберешься».

Благоразумие подсказывает мне, что нужно отказаться от путешествия на конвейере, но перспектива тащиться по бесконечно длинным выработкам меня не прельщает. Да и трусихой выглядеть не хочется... И вот я уже на ленте конвейера. От страха я сразу ложусь – и правильно делаю: кровля неотвратимо опускается мне на голову, и я как бы ощущаю тяжесть тысяч тонн горных пород, готовых обрушиться на меня... Слава Богу, вскоре темный давящий кров уходит вверх, я вскакиваю на ноги, и как раз вовремя: уже слышен шум падающего в бункер угля. Мои спутницы ловко соскакивают с конвейера, я же в панике хватаюсь руками за стойки, в то время, как мои ноги продолжают ехать вместе с углем. Но вот и я на твердой почве...

Еще полчаса ходьбы по сборному штреку, где мимо нас проносятся электровозы с вагонетками, груженными углем и породой («Осторожно! Не задень контактный провод – током стукнет!»), затем подъем на поверхность в клетки, до отказа забитой черными, только белки глаз сверкают, шахтерами, и, наконец, последнее препятствие: вентиляционные двери. Из-за разницы давлений на поверхности и в шахте дверь в пропускной камере открывается только в одном направлении, поэтому проскочить эту камеру и увернуться от удара двери – тоже дело непростое.

Наконец, светильник сдан, необходимый ритуал омовения в шахтерской бане закончен, и я выхожу на свет божий... Вернее, во тьму летней ночи. Мы работали во вторую смену, которая заканчивалась в 24 часа: пока выбрались на поверхность, да помылись, оказывается, время уже близится к двум часам по полуночи... Я снова вижу звезды, ярко светит луна, и, хотя я полностью обессилена усталостью, потоком новых впечатлений и переживаний, я сразу же вспоминаю слова отца: «Когда выходишь из шахты, земля кажется необыкновенно красивой, а жизнь прекрасной...»